

Василий и Принц

Двадцать лет для собаки—это слишком. Но Принц прожил эти двадцать лет.

Василий, ему тогда шестьдесят было, подобрал Принца щенком, приняв появление собаки за чудо. А случилось это в страшный для Василия год. Как водится, никто не вечен на этом свете, вот и пришлось хоронить Василию свою жену. Как раз в Светлое Христово Воскресение она и отдала Богу душу. В посёлке говорили, что те, кто в этот день умирает, сразу оказываются в раю. Детей у них не было, не дал Господь. Так и остался он один на белом свете. Одна мысль билась в его сознании: «Господи, за что?!» На следующий после похорон день он, как в тумане, дошёл до дома от кладбища и долго сидел на крыльце. Он не решался войти в опустевший, как ему показалось, помрачневший дом. Больше всего ему хотелось умереть.

Сколько он так просидел, помышляя о смерти, никто не знает, только очнулся он оттого, что в ноги ему носом тыкался продрогший щенок. Известный такой, весь рыжий, а грудь и кончик хвоста белые, да ещё на лапках белые «носоочки». Щенок жалобно скулил и дрожал. Василий взял его на руки да и посадил за пазуху, чтобы согреть. Его сильно удивило появление этого малыша: калитка-то была закрыта, с улицы не попасть в ограду. — Пойдём, малыш, молочком напою, а потом поищем, кто тебя потерял,— сказал Василий и нехотя вошёл в дом.

Он со щенком за пазухой обошёл весь посёлок, но, к его удивлению, ни у кого щенки не пропадали. — Вот чудеса! Ладно, пойдём, у меня жить будешь, всё забота.

А потом к Василию зашёл сосед проведать и увидел, как щенок гордо так, можно сказать—с королевской осанкой, сидел на мягкой подстилке и даже голову не повернул, когда сосед проходил мимо него.

— Посмотри-ка, какой «прынец» выискался.

— Вот пусть и будет Принцем, а то всё не мог ему имя придумать,— первый раз за несколько дней Василий улыбнулся, но только одними губами.

Потом он научил Принца почти цирковым номерам. Например, просил изобразить «Петьку после получки». Принц подходил к забору и, встав на задние лапы, неуклюже шёл, опираясь

передними на забор, при этом смешно подвывал. Пройдя несколько шагов, ложился на бок и лежал неподвижно. Или Василий просил изобразить председателя. Тогда Принц садился на землю и с важным видом начинал отрывисто лаять, поворачивая голову в разные стороны. Много чего мог Принц. Мог ждать целый день у калитки, дожидаясь Василия, когда тот уезжал по делам, а потом, недовольно ворча, радостно вылить хвостом. Всегда ложился рядом с Василием, положив голову на колени хозяину, когда тот сидел на крыльце. Но больше всего Принц любил осеннюю пору, когда Василий собирался на охоту. В ожидании Принц, сидя у калитки, нетерпеливо перебирал передними лапами и необычно подлаивал, словно хотел сказать: «Ну что ж ты так долго собираешься? Пойдём скорее».

Только годы не щадят никого. Со временем Василий перестал ходить на охоту, да и собаке это стало ни к чему. Вот на рыбалку ещё выбирались. А потом Принц стал болеть, всё больше лежал. Василий пригласил ветеринара.

— Ноги у него болеть стали, плохо ходит, а ночью тихо «плачет».

Ветеринар осмотрел собаку и спросил:

— Хотите усыпить?

— Нет, хочу полечить. Друзей нельзя убивать.

— Я не Господь Бог, а простой «Айболит». Он же старше всех собак в посёлке.

— Выпиши какую надо мазь, я заплачу.

— Я могу только обезболить да ещё кое-какие витамины выпишу.

Когда ветеринар поставил укол, Принц посмотрел на него с благодарностью, как будто понял, для чего это сделано. Через некоторое время он приободрился—наверное, боль отпустила. Ветеринар заходил к ним каждый день. Так прошла неделя. В тот день, когда Принц щенком прибил к Василию двадцать лет назад, он медленно обошёл двор по кругу, как будто прощался, потом лёг на крыльце рядом с Василием, положив голову на колени хозяину—нет, не хозяину, а другу. Несколько раз вздрогнул. Через некоторое время Принц затих, навсегда закрыв глаза. Василий освободил ещё тёплого Принца от ошейника, тихо сказав:

— Беги свободным в царство вечной охоты. Бог даст, скоро и свидимся.

Потом заплакал, слёзы капали на неподвижную голову Принца. Теперь у старика не осталось ничего.

Участковый со всех ног бежал на край посёлка: он услышал несколько выстрелов подряд и решил выяснить, что такое там происходит. Его оставили мужики.

— Не спеши, ещё восемь раз выстрелит— и всё,— объяснил один из мужиков.

— Почему ещё восемь?— переспросил участковый.

— Уже шесть, четырнадцать было. Дед Василий Принца в последний путь провожает, с почестями.

— Зачем же столько раз стрелять?

— Сколько лет собака прожила, столько раз и стреляют.

Участковый пошёл посмотреть. Навстречу, опустив голову, медленно шёл Василий.

— Здравствуйте,— поприветствовал его участковый.

— Здорово. Вот, заberi, мне оно ни к чему теперь,— Василий протянул участковому свою старенькую двустволку.

— Надо бы документы оформить на передачу.

— Какие документы? Это ружьё нигде не числится. Хочешь, я его на дерево повешу? Так и напишешь в своих бумагах: найдено на дереве.

— Ладно, что-нибудь придумаю,— пообещал участковый, забирая ружьё.

Василий снял с пояса пустой патронташ и тоже отдал.

С того дня, как похоронил свою собаку, он стал угасать. В самый разгар золотой осени Василий прибрал всё в огороде, привёл дом в порядок. К выходным поехал в ближайшую церковь— исповедаться и причаститься.

Что с людьми иногда делает память! Василий не мог вспомнить многое из того, что было недавно, но события из детства всплывали в деталях. Почему-то именно сейчас ему вспомнилась его жизнь, хотя он не помнил ни отца, ни мать. Только и смог вспомнить, как разбомбили поезд, на котором они с матерью и двумя старшими братьями ехали в эвакуацию осенью сорок первого. Как потом, когда попытался найти своих родных, ему, уже взрослому, сказали в детдоме, что он один выжил из всей семьи. Как пробовал найти отца, но узнал только, что тот в сорок втором году пропал без вести. И опять эта мысль: «Господи, за что?» А ночью ему приснился сон, будто стоит он в чистом поле, а перед ним церкви. Их много. И с золотыми куполами, и с простыми, деревянными. Только все они полупрозрачные, как ненастоящие. Вдруг он услышал голос: «Твой отец разрушил всё это, за то и страдает ваш род...»— это звучало многократно,

как эхо. Василий проснулся с чувством того, что это было не во сне, а наяву.

После этого сна он долго молился о том, чтобы Бог простил его отца за разрушенные храмы, и за всех своих родных помолился. Вернувшись из церкви, сходил на кладбище— положить цветы жене на могилу. Потом пошёл к тому месту, где покоился его верный друг. Так старика и нашли возле той берёзы, под которой он Принца похоронил.

Многие, кто знал Василия, очень надеялись, что встретился он со своими родственниками, а главное— что Господь разрешил ему взять с собой Принца.

И нет его страшнее, или Незаконченный рассказ

1.

Аркадий вышел из машины и с наслаждением вдохнул неповторимый аромат степного воздуха, искренне считая, что такой бывает только в хакасской степи. Ветер донёс запах полыни...

Он пошёл к камням, стоящим в отдалении от дороги. Ему всегда было интересно: камни в степи—это могилы древних воинов или что-то ещё? В любом случае это память о далёком прошлом. Как ни странно, но, постояв у этих камней, он всегда получает вдохновение для творчества.

Возвращаясь к машине, он заметил почти скрытый травой памятник. Это память уже о совсем недалёком прошлом. Сколько их вдоль дорог стоит как напоминание о том, что вся наша жизнь— дорога. Вот только когда она закончится и куда приведёт, это знает один Бог. Дорога— хранитель, страж, судья и палач. Но она тоже заставляет переоценивать все жизненные ценности. Аркадий вспоминал, как чудом остался жив тогда, больше четверти века назад, за тысячи километров отсюда. Наверное, и ему стоял бы такой же памятник с выцветшими цветами, серыми от пыли...

Память перенесла его в тот далёкий октябрь. Даже на жаре ему вдруг стало зябко...

Очнувшись, он понял, что промёрз до косточки. Он не мог пошевелиться, всё тело занемело. Он с ужасом понял, что сердце отсчитывает последние удары. В это время по дороге прошёл гружёный лесовоз. От вибрации Аркадий покатился по склону. Наверное, это и спасло ему жизнь. Он с трудом поднялся на ноги, силясь вспомнить, что произошло. Он помнил, что ехал домой из соседнего посёлка, помнил, что сзади шёл зил... А теперь он стоит недалеко от дороги, правая рука висит, как плеть, мотоцикл стоит в стороне, зажигание выключено, на коляске вмятина, ветровых стёкол нет...

Аркадий не чувствовал боли в руке. Зато безлунной октябрьской ночью видел всё до хвостика отчётливо, как днём. И звёзды сквозь небольшую

дымку облаков светят невероятно ярко. Да ещё свет от проходящей по дороге машины нестерпимо яркий.

Мотоцикл завёлся легко. Дальше начались проблемы: правая рука не работала, руль пришлось держать левой. И не просто держать, а с правой стороны. «Хорошо, что „Юпитер-5“ снабжён автоматом сцепления», — подумал Аркадий. Но, вырвав на дорогу, понял, что дальше ехать не сможет: в глазах потемнело от боли, вот теперь он её стал чувствовать, да ещё сказались потеря крови. Он пытался остановить проходившие машины, но без толку. По дороге медленно полз «Жигулёнок», Аркадий узнал машину дальнего родственника. Но родственник, отвернувшись, проехал мимо. То же произошло и с хорошим знакомым. Вдруг навалилась мысль: «Может, я погиб и меня не видят?..»

К нему подъехал мотоцикл «Урал».

— Слышь, мужик, что случилось? — спросил один из подъехавших.

— Не помню, — ответил Аркадий.

— У тебя вся рука в крови.

— Я ехал к себе, очнулся на обочине.

— Мы тебя домой отвезём.

— Я покажу, это рядом, три километра.

— Да знаем мы, где живёшь.

Один из парней сел за руль его мотоцикла. Аркадий всю дорогу держал повреждённую руку и мысленно благодарил, что парень едет тихо.

Аркадий знал этих парней, многие называли их «никчёмными людишками» за то, что они частенько выпивали. Но тогда дорога переоценила для него это понятие. Те, кто считал себя людьми, да ещё с претензией на благородство, после того как ударили грузовиком по мотоциклу — пусть не нарочно, но ударили, — откатали мотоцикл от дороги, а его оттащили и бросили на землю. Бросили умирать от холода и потери крови. Нет, не приняли за мёртвого, а, боясь ответственности, спрятали с глаз, живого, но без сознания. Другие, не желая разговаривать со следователем, проехали мимо. И только те, кого считали «никчёмными», проявили благородства больше, чем те, кто бросил и кто мимо проехал, вместе взятые. Часто так бывает, что человечности больше в тех, кого другие меньше всего считают людьми. С тех пор он судит о людях по реальным поступкам, а не чьему-либо мнению.

Когда его привезли домой и сказали родственникам, что подобрили Аркадия на дороге, им вынесли бутылку спирта из запасов «на всякий случай».

Парни стали отказываться:

— Да мы же от души, со всяким может случиться.

— Берите, — сказал Аркадий, — это тоже от души, этого вам на троих хватит, только за руль не садитесь, я трезвый ехал — и то влип...

Следователю он сказал, что не знает тех, кто привёз его домой, чтоб не беспокоили парней.

Тот случай разбудил в нём ненависть к тем, кто сбил его и бросил, к тем, кто проехал мимо. Ненависть к следователю, который не хотел доводить до конца поиск сбившего его водителя только потому, что Аркадий ехал трезвый.

Тогда следователь пытался «надавить», несмотря на характерные вмятины на коляске мотоцикла, настаивая на том, что Аркадий сам не справился с управлением...

Эта ненависть разъедала ему душу, как ржавчина. Вспомнился случай из школьных лет.

— Зверёныш, твой папа нерусский, — кричали мальчишки, избивая одного.

У Аркадия всё перевернулось внутри. Как так — толпой на одного? Он смело подошёл и начал защищать незнакомого мальчика.

Схватка была неравной, но ватага мальчишек пустилась наутёк от его натиска. Бил он без разбора, куда придётся. Костяшки пальцев разбил в кровь.

Мать того самого мальчика, за которого он вступился, бинтуя ему руки, спросила, почему он заступился за её сына. Аркадий ответил:

— Совсем озверели — толпой на одного.

В это время в комнату вошёл дед. Аркадию показало, что ему не меньше ста лет.

— Они моего правнука «зверёнышем» кличут потому, что папка у него — уроженец другой республики. А по мне, так главное — совет да любовь, остальное — предрассудки, — сказал дед и добавил: — Гляжу, парень, ты сам обозлился не на шутку, когда в драку полез.

— Не люблю, когда толпой на одного. Хочешь помериться силой — выходи один на один, на равных, — ответил Аркадий.

— Знаешь, парень, такие, как ты, справедливые и бесстрашные, могут многое и никого не бояться, но не знаете вы, кто страшнее всего на свете.

— Кто? — не удержался от вопроса Аркадий.

— Зверь, — в глазах деда блеснул какой-то странный огонёк.

— Медведь или волк?

— Человек.

— ???!

— Да, зверь, который сидит внутри человека, и у него много имён. Думаешь, эта ватага сорванцов сама догадалась до такого? Нет, это идёт от старшего поколения. Кто-то позавидовал счастью других, кто-то достатку, а кто и просто от злобы. Зверь спит в человеке, но когда человек поддаётся какому-нибудь искушению, он просыпается. В них проснулся зверь по имени Зависть. Не разбуди в себе зверя, парень. Ведь нет его страшнее, ибо он пожирает душу человека.

Он подумал о том, что тогда проснулся в нём зверь по имени Ненависть.

Ему пришлось научиться всё делать левой рукой, было несколько операций. Он считал, что ему было за что ненавидеть...

После полутора лет лечения ему пришлось снова учиться делать всё правой рукой — держать ложку, авторучку, бритву и ещё много чего. А ненависть и жажда мщения всё жили в нём. Он не знал, как избавиться от этого чувства, пока не попало в руки Евангелие...

Тогда он, ещё не крещёный, почти ничего не знавший о христианстве, понял, как бороться с ненавистью. Надо просто простить тех, кого ненавидел, а простив, отпустить от себя всю злобу. Это получилось не сразу, но получилось: он перестал думать о мести. Да и вообще забыл о них всех...

Аркадий потёр виски руками: не время для воспоминаний, пора продолжать путь.

Дорога плавно текла под колёса. Она всегда успокаивает его душу. Он иногда думал о том, что, дожив до тех лет, когда не сможет водить машину, ему будет не хватать этих дорог.

2.

Остановившись в придорожном кафе, он снова набрал её номер. Она ему не отвечала.

Сначала всё было хорошо, в общении с ней он черпал вдохновение, она была его музой. А потом отношения стали заходить намного дальше. И вдруг она затаилась, замолчала. Он долго не мог понять, почему она молчит, не берёт трубку и на эсэмэски не отвечает.

Молчание — это так же страшно для него, как останавливается сердце. Как во время одной из операций...

Память опять сыграла с ним злую шутку.

Не было ни света в конце тоннеля, ни хора ангелов, он не видел, как врачи что-то делают с его телом, — просто опустилась чёрная непроницаемая «шторка» с безжалостностью гильотины. Была только всепоглощающая чернота — липкая, холодная и безвкусная. Он хотел вдохнуть, но воздуха не было, вместо него внутрь вошла всё та же чернота. И тишина, жуткая, где нет даже намёка или воспоминания о звуках. Непонятное чувство того, что ты падаешь вверх, и отчётливое осознание того, что ты умер и тебя больше нет. Потом он услышал, как застучало его собственное сердце или кровь в жилах, затем голоса врачей. А уже после — свет, показавшийся яркими красными через закрытые веки. И ещё некоторое время сознание путалось: на том он свете или всё ещё на этом...

И в аварию попал по дурости своей: ему, видели ли, сказали, когда друга не застал дома, что он испугался сестры друга. Он и поехал сказать, что

не испугался девчонки, что не ворует чужих невест. Ведь не надо было ехать, но проснулся в нём зверь по имени Гордыня...

После очередной эсэмэски она ему сама позволила. Откуда в такой милой девушке столько злости? Яд обильно лился из трубки. Он слушал, не перебивая, и вдруг отчётливо понял, что она просто испугалась разницы в возрасте, проснулся в ней зверь по имени Страх.

После этого разговора опять забились внутри мысль: «Зачем, зачем я гремлю своими ржавыми доспехами в этом Богом забытом времени? Моё племя рыцарей и поэтов вымерло ещё в средние века. Что я здесь делаю, где всё подчинено логике, информатике и психологии, а любовь, романтика и нежность — лишь рудименты? Люди перестали совершать подвиги ради любви, перепутали любовь с телесной близостью, забыв о том, что любовь — это откровение божественной сути. Расстояние в сто километров им кажется непреодолимой преградой. А любовь — она как лампада: если доливать в неё нежность, ласку, взаимопонимание, она светит ровным огоньком счастья. Но если в неё налить грязи, она зачадит и погаснет...»

А ночью ему приснилась первая любовь. Ему снилось, что девушка взяла его за руку и повела вверх по лестнице. А наверху он увидел звёздное небо.

Только ангел-хранитель мог прийти ему в таком образе, это он помог подняться Аркадию на несколько ступеней ближе к Богу.

Утром он продолжил путь. Немного погодя остановился возле кургана. Задумался о том, что будет дальше. Ничего не придумалось. Но он понял, что вся скорбь уходит под курган, под землю, в глубину и остаётся там навсегда.

Добравшись домой, он вернулся к творчеству. Творчество не даст пойти ко дну и предаться унынию, ведь уныние — это грех.

О несбывшемся остаётся лишь лёгкая грустинка, такая рябиновая горечь, сначала нестерпимая, потом приятная на вкус, и идёшь дальше...

А потом понимаешь, что это не было истинной любовью, это был зверь по имени Страсть. И опять надо что-то переоценивать в жизни.

В сознании настойчиво стучала мысль: «Жизнь прожить — не поле перейти...»

Всё правильно: жизнь — это путь по тонкому льду над бездонной пропастью. Надо идти с определённой скоростью, твёрдо веря, что лёд выдержит. Нельзя остановиться или вернуться, нельзя замедлить шаг, и ускорить нельзя. Даже тогда, когда лёд прогибается или предательски трещит, надо идти и не бояться зверя, который сидит внутри

нас: ведь, сколько бы ни было у него обликов и имён, рядом с каждым из нас есть ангел-хранитель. Он поможет одолеть зверя и пройти этот путь...

Всегда в самые трудные моменты ему снилась та, которую он любил с самой юности, и всегда он понимал, что это ангел-хранитель его поддерживает в жизни.

И вот Господь явил чудо: его ангел-хранитель, та, которую он любит и любил все эти годы, сама того не осознавая, согласилась стать его женой...

Вернулась истинная любовь, засветился огонёчек счастья, и ушёл зверь...

Феска

Проходя мимо кузницы, мне каждый раз казалось, что кузнец не просто ударяет молотком по железу, а выстукивает какую-то замысловатую, одному ему ведомую мелодию.

Перед обедом я забежал забрать заказ. Кузнец Феска, как всегда, приветливо улыбался:

— Заходи, присаживайся. Твои железки ещё остывают. Позже зайдёшь или будешь ждать?

— Да что круги нарезать? Конечно, подожду,— нехотя согласился я.

— Чай будешь?

— Буду.

За чаем я попросил у него совет, что можно другу подарить на день рождения, кроме того, что есть в магазинах.

Он спросил:

— Молот в руках держать умеешь?

Я пошутил:

— По наковальне попадаю.

— Пойдём, небольшой сувенир сделаем твоему другу. Когда дарить хочешь?

— День рождения у него послезавтра.

— Вот и хорошо.

Через некоторое время появилась подкова. Только размер у неё был разве что для пони.

— До завтра надпись набью «На счастье», шлифану, тогда и забереёшь.

Немного погодя Феска спросил:

— Ты в приёмниках что-нибудь понимаешь?— кузнец отодвинул занавеску на полке, показывая старенький радиоприёмник.— Сначала хрипел, потом совсем затих.

— Откуда такое чудо?—спросил я, снимая заднюю крышку с приёмника.

— По наследству досталось от прежнего хозяина.

— Посмотрим. Ещё поработает, вот тут проводок отошёл.

— Ожил?!—с удивлением спросил Феска и добавил:— С ним веселее, когда не стучу по железу.

На другой день я снова зашёл к кузнецу. Он отдал мне подкову.

— Красота!—я полюбовался подковой и аккуратно положил её в карман.

Через минуту-другую в кузницу зашли двое плотников из бригады ремонтников:

— Цыган, штыри готовы?

Кузнец улыбнулся и сказал:

— Готовы.

— У нас смена закончилась, завтра утром заберём,—сказал один из ремонтников, потом спросил:—Слышь, Федька, говорят, ты гидромолотом спичечный коробок закрыть можешь, не помяв его.

— Могу, только я не Федька, а Феска. Да что там коробок...

Феска ловко выдернул торчащую из кармана ремонтника початую бутылку вина с вытащенной почти полностью пробкой. Под испуганный вздох ремонтника бутылка оказалась на гидравлическом молоте. Кузнец с ювелирной точностью забил бойком молота пробку. Затем вернул бутылку.

— Федька, изверг! Жилу из сердца вытянул!..

— Сам напросился!—улыбаясь, сказал второй ремонтник.

— Не Федька я, а Феска. Сколько можно повторять?—поправил ремонтника кузнец.

— Звучит почти одинаково,—промямлил ремонтник.

— Что вы знаете о том, что и как звучит?

— Ничего,—ответил ремонтник, пряча свою бутылку во внутренний карман.

Феска достал из шкафа старенькую скрипку.

— Это зачем?—спросил второй ремонтник.

Феска коснулся струн смычком. Старенькая скрипка запела...

Феска играл, прикрыв глаза. Вдруг я почти физически ощутил, что его мысли очень далеко отсюда.

Через некоторое время я и сам, как наяву, увидел кибитки в степи, искры, улетающие от костра в звёздное небо, цыганский табор...

Когда скрипка замолчала, ещё некоторое время в душе переливалась и звучала музыка.

Очень часто, даже через годы, особенно в дороге, когда смотришь на проплывающий в окне поезда или автобуса пейзаж, пробивается в сознании эта мелодия, романтическая, напевная, идущая от чистого сердца и зовущая в неведомые дали...

Первый ремонтник, ничего не сказав, вышел.

Второй сказал:

— Да, неплохо звучит, только я не понял, для чего это.

Тут я не выдержал и спросил:

— Разве ты ничего не увидел, слушая?!

— Не-а.

— Как?! Лично я видел кибитки, костёр в степи, табор и много ещё чего.

— Ну и фантазия у тебя!—сказал второй ремонтник и тоже ушёл.

Феска, положив мне руку на плечо, сказал:

— Они видят не так — только то, что сверху лежит. А чтобы увидеть то, что внутри, с этим надо родиться...

Через полгода Феска сказал, что уезжает ближе к детям и внукам. Потом вдруг добавил:

— Когда будешь писать книги, не забудь про старого цыгана.

— Да что вы все?.. — спросил я у него и продолжил: — Отец мне неделю назад сказал, что придёт

время, когда я буду писать. А всего-то стихами балуюсь. И стихи так себе.

— Поверь мне и отцу своему тоже: ты будешь это делать.

Я попытался возразить:

— Писатель должен быть мудрым.

— Мудрость дана каждому от рождения, вот только без житейского опыта она не работает. Талант тоже каждому даётся, но без трудолюбия он — ничто, пыль степная...